

ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Величко А. О.

A. O. Velichko

преподаватель кафедры средневосточных языков
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел России
e-mail: ne.velichka@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СТРАН КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ КУРДОВ

LINGUISTIC POLICY IN KURDISTAN

Аннотация. В статье рассмотрена языковая политика стран компактного проживания курдов, включая не только Турцию, Иран, Ирак и Сирию после подписания Лозаннского мирного договора, по которому произошел раздел курдских территорий между четырьмя суверенными государствами, но и автономии иракского и сирийского Курдистана. В этой работе курдский язык представлен как родной язык миллионов курдов по всему миру и, в частности, в т. н. Курдистане, и сознательно не рассматривается как совокупность разнообразных диалектов. Представляется логичным, что нация без своего государства и, как следствие, централизованной языковой политики, не имеет унифицированного литературного языка.

Ключевые слова: курды, Курдистан, Сирия, Иран, Ирак, Турция, языковая политика

Abstract. This article examines language policy in so-called "Kurdistan" region, which includes not only language policy of Turkey, Iran, Iraq, and Syria in Kurdish population context after the treaty of Lausanne, but also language policy of Kurdish autonomies in Syria and Iraq, which divided Kurdish territories between four independent countries. In this piece, we consider the Kurdish language as a mother tongue of millions of Kurds all over the world especially in Kurdistan, and we don't take into account a great variety of Kurdish dialects and the absence of codified and unified literary language on purpose. Logically, a nation without its state and centralized language policy doesn't have one language.

Key words: Kurds, Kurdistan Region, Syria, Iran, Iraq, Turkey, language policy

Курдский язык представляет собой наиболее значимый культурный и политический фактор объединения курдов, так как отделяет их от соседних наций более явно, чем физические рубежи и иные культурные различия. Несмотря на роль языка как дискурсивного конструкта в курдской национальной идентичности, политике и даже движениях за автономию, он сам по себе никогда не был достаточной разобщающей или объединяющей силой. Все диалекты курдского языка были признаны таковыми по принципу взаимопонимания носителей, этого оказалось достаточно для курдского националистического движения: в их глазах курдская нация обладала единым курдским языком [7].

Курды – четвертый по численности этнос Ближнего Востока и самая многочисленная этническая группа в мире, не имеющая своего государства и чей язык до сих пор не стандартизирован, не имеет единой литературной нормы и существует исключительно в виде широкого разнообразия диалектов и говоров. Одна из причин сложившейся ситуации – отсутствие централизованной языковой политики, которая позволила бы установить общую литературную норму и единую письменность. Недружественная курдам языковая политика Турции, Ирака, Сирии и Ирана, у некоторых исследователей названная лингвистическим геноцидом, оказывала и продолжает оказывать колоссальное влияние на развитие курдского языка.

Наиболее остро этот процесс, продолжающийся по сей день, проявился после подписания в 1923 г. Лозаннского мирного договора, юридически закрепившего распад Османской империи и фактически разделившего часть курдских территорий, входивших в нее, между Турцией в ее современных границах и двумя новообразованными государствами – Сирией и Ираком. Другая часть курдских территорий осталась в Иране.

В современной Турции курды – второй по численности этнос, составляющий 20% населения страны и испытывающий притеснения с момента образования Турецкой республики. Курдские исследователи придерживаются мнения, что явным доказательством политики лингвистического геноцида в Тур-

ции стало само формирование государства на основе турецкой национальной идентичности.

Главной целью турецкой языковой политики было «отуречить» курдов – заставить их отказаться от родного языка и использовать для любого рода коммуникации исключительно турецкий. В 1924 г. правительством Мустафы Кемаля Ататюрка был принят закон, запрещавший использовать курдский язык, национальную одежду и само название «курды». Так курды перестали существовать в турецком массово-информационном дискурсе как отдельная этническая группа: в средствах массовой информации тех лет не было формулировок «курды», «Курдистан» или «курдский вопрос», вместо этого использовались выражения «горные турки», «восток», «бандиты», «реакционные политики», «племенное сопротивление», «провинциальная отсталость». Целью такой пропаганды было представить курдов культурно и экономически отсталыми, религиозными фанатиками, племенами бандитов, контрабандистами или крестьянами, которых эксплуатируют местные турецкие феодалы.

Было множество попыток туркизации курдов силовым путем. Проводились массовые казни после каждого бунта и депортации сотен тысяч курдов в Западную и Центральную Анатолию. К концу тридцатых годов все курдских деревни оказались под контролем турецких военных, в каждой стоял полицейский пост.

В результате курды были успешно отуречены не только из-за того, что заговорили на турецком языке и признали кемализм своей идеологией, но и потому, что забыли свои национальные язык, культуру и наследие.

Конституция также оказалась мощным орудием в руках турецкого руководства для легализации ущемления курдского языка. Согласно 42 статье конституции Турецкой республики, «никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учреждениях» [4]. В Турции нет курдских школ. У детей, проживающих на курдских территориях, нет права получать образование на родном языке.

Только в 2006 г. руководство Турции впервые разрешило нескольким частным каналам ограниченное телевизионное вещание на курдском языке, в том числе мультфильмов и образовательных программ, направленных на его преподавание, продвижение и поддержание грамотности курдского населения. Тогда этот язык стал использоваться даже в некоторых административных и правительственных учреждениях, например, органах местного самоуправления, на юго-востоке страны. Предписание закона касательно языка административных учреждений было довольно расплывчатым: для «официально-деловой» коммуникации предусматривалось использование турецкого, а для межличностного общения при необходимости допускалось применение других языков. Сочувствующие курдам мэры некоторых городов, особенно Диярбакыра, не преминули воспользоваться этой лазейкой в законе, что стало скорее исключением, нежели правилом.

В 2007 г. Министерство внутренних дел Турции признало распространение информации о деятельности муниципальных учреждений в сфере культуры, искусства, защиты окружающей среды, здравоохранения и даже объявления об уборке улиц на любом языке, кроме турецкого, нарушающим конституцию. А в ноябре 2015 г. курдский парламентарий Лейла Зана не была допущена к дальнейшему участию в парламентских сессиях за то, что на самом первом заседании принимала присягу на курдском языке [1].

В последние годы Турция предпринимает активные попытки войти в Европейский союз и стать его постоянным членом. Вступление в ЕС даже стало предвыборным обещанием некоторых турецких политиков. Но ущемление в базовых жизненных правах курдов и других малых народов Турции: на образование, печать и телевидение на их родных языках, стало серьезным препятствием, согласно отчету о проделанной работе европейской комиссии от 2006 г.

Определенные послабления в языковой политике курды Турции почувствовали в 2012 г., когда Реджеп Тайип Эрдоган, будучи еще в статусе премьер-министра Турции, сделал заявление, что курдский язык разрешат преподавать в турецких шко-

лах в качестве факультативного предмета, если будет достаточное число желающих. Эти обещания подарили курдам надежду на свободное использование родного языка, но попытка военного переворота в Турции в 2016 г. повлекла за собой очередное ужесточение внутренней политики, в частности языковой [5].

В Иране, полиэтническом государстве, где официальный и государственный язык – персидский, в последние сто лет революций курдский язык получал большее употребление в годы самоуправления курдов и меньшее – в годы правления шахов или исламских режимов.

Во время шахского правления курдские преподаватели и ученые бережно хранили родной язык от забвения и пытались убедить правительство обеспечить образование на курдском языке, однако их просьбы были услышаны уже другим правительством только в 1946 г., после того, так Красная армия заняла так называемый «Мукринский Курдистан» по советско-британским договоренностям о совместной оккупации Ирана и позже отвела силы к северу, тем самым создав «нейтральную зону», входившую в советскую сферу влияния, между силами Великобритании и СССР, где и была создана автономная курдская республика, вошедшая в историю под названием Мехабадской.

Руководители республики во главе с Кази Мухаммедом планировали наладить образовательный процесс на родном языке. При поддержке местных добровольцев и иракских курдов вся система образования была переведена на курдский язык, были разработаны программы среднего обязательного образования для детей и вечерних курсов ликвидации безграмотности для взрослых на всей территории, подконтрольной автономной республике. После ее падения 16 декабря 1946 г., все курдские школы были закрыты центральным иранским правительством.

Ситуация с курдским языком стабилизировалась после прихода к власти исламского режима в 1978 г. Воодушевленные обещаниями нового правительства гарантировать национальные права малых народов, курды приняли некоторые меры в области образования самостоятельно. Так, весной 1979 г., было предпри-

нято несколько попыток решить курдскую языковую проблему изнутри. В апреле того же года в Мешхеде был сформирован комитет по подготовке учебников для начальных классов, был запущен проект по открытию нового университета – Курдистанского с целью интенсифицировать процесс стандартизации курдского языка. В нем предполагалось создание четырех факультетов, одним из которых должен был стать факультет курдского языка и культуры. Университет уже готовился объявить прием на 1979–1980 академический год, когда правительство силовым путем пресекло эти начинания как сепаратистские.

В настоящее время курдский язык в Иране не запрещен конституцией: согласно статье 15 «местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах» [3], что на территориях курдских останов в полной мере претворяется в жизнь.

После демаркации новых иракских границ в 1920 г. Соединенным Королевством малые народы пользовались малейшей возможностью потребовать у иракского правительства дать им возможность получать образование на родном языке. Эти попытки вылились в разрешение курдам пользоваться своими языковыми правами исключительно на курдских территориях. В 1932 г. правительство королевства Ирак приняло закон «о местных языках», чтобы удовлетворить курдов и разыграть эту карту для вступления в Лигу Наций. Закон гласил, что госслужащие в курдских районах должны быть курдами, а школы должны функционировать на курдском языке. Когда закон вступил в силу, школы в некоторых районах с подавляющим курдским населением действительно перешли на курдский язык, на нем стали издаваться немногочисленные книги и журналы. В 1958 г., после революции и свержения монархии в Ираке, полномасштабное издание литературы на курдском языке впервые стало легальным даже в Багдаде. В 3 статье «Временной конституции Иракской Республики» появилась следующая формулировка: «Арабы и курды рассматриваются как партнеры, их национальные права в рамках единого Ирака гарантируются конституцией» [6]. Это был

первый документ в период после Британского мандата в Ираке, в котором признавалось существование курдского народа. Для курдов открылись новые перспективы: их язык стали преподавать в начальной школе, а в Багдадском университете появилась кафедра курдского языка.

Кроме того, еще два исторических для курдов события определили благополучное развитие ситуации для курдского языка в современном Ираке:

Во-первых, подписание в 1969 г. «Мартовского договора» или «Мартовского манифеста» Мустафой Барзани и Саддамом Хусейном. Согласно пункту 14 этого договора, центральное правительство Ирака обязывалось гарантировать «право курдов на самоопределение». Конкретные формы автономии должен был определить закон, выработанный в течение 4 лет по взаимному согласованию. Границы планировалось определить по результатам грядущей переписи. Тогда члены партии ДПК под руководством Барзани получили официальный статус, министерские посты в Багдаде и губернаторские – в курдских провинциях, пешмерга были преобразованы в иракские пограничные формирования. В городе Сулеймания открыли Курдский университет, а в Багдаде появились Курдская научная академия и Курдское управление по вопросам культуры. В большинстве курдских районов началось преподавание на курдском языке. Однако перепись населения так и не состоялась, вместо этого начались этнические чистки в Киркуке и разнообразные акции против ДПК. Вышеупомянутый закон был издан в 1970 г. По нему в курдский автономный район вошли три провинции – примерно половина исторических территорий курдов в Ираке. За пределами автономии оказался Киркук – одна из самых богатых нефтью провинций Ирака.

Во-вторых, в 1991 г. курды восстали против баасистского режима и взяли под контроль свои исконные территории. Тогда Совбез ООН объявил курдские районы на севере Ирака зоной безопасности, чем фактически вывел их из-под юрисдикции Багдада. Это послужило причиной мощного лингвистического прорыва в регионе: министерство образования автономии

представило учебные программы по курдскому языку, началось строительство тысяч курдских школ.

После свержения Саддама Хусейна, курдам пришлось де-юре вернуться под контроль Багдада: не хватало финансовых и политических ресурсов для объявления независимости.

Значительный рывок в развитии курдский язык в Ираке получил в 2003 г., когда курды обратились напрямую к Багдаду, чтобы закрепить свой национальный язык в новой конституции Ирака. Особым днем в истории курдского языка в Ираке стало 7 января 2013 г., когда иракский парламент проголосовал за принятие закона, регулирующего употребление государственных и местных языков. 4 статья конституции Ирака, которую ратифицировали открытым голосованием в 2005 г., гласит, что в Ираке два государственных языка: арабский и курдский.

Кроме того, образование на родном языке как одно из основных прав закрепляется той же статьей: «Курды Ирака имеют равные права со всеми гражданами Ирака обучать своих детей на родном языке в государственных образовательных учреждениях в соответствии с государственными учебными программами или на любом другом языке – в частных школах и вузах». Во втором пункте той же статьи указывается степень употребления каждого государственного языка: «Все официальные документы должны публиковаться на двух языках: арабском и курдском. Более того, статья конституции гласит, что обсуждения и выступления в парламенте, кабинете министров, суде и на официальных конференциях могут осуществляться на любом из государственных языков. Финансовые документы, корреспонденция и почтовые марки также могут быть напечатаны на любом из них». Ситуация с курдским языком в Ираке стала выигрышной: на нем работают образовательные учреждения, официальные издания, более ста местных и 20 спутниковых каналов.

При Масуде Барзани, президенте Курдского Автономного Района в 2005–2017 гг., была образована комиссия по созданию единого литературного курдского языка, но ее деятельность до настоящего момента не увенчалась успехом. По сей

день продолжают споры, каким видом письменности будут пользоваться курды и какой диалект должен быть взят за основу единого языка: курманджи, сорани, или же комиссия создаст компромиссный вариант, объединяющий черты разных диалектов и говоров.

Национальная политика нашла наиболее полную реализацию именно в Иракском Курдистане, где права национальных групп – арабов, туркмен и ассирийцев гарантированы конституцией, национальные языки активно преподаются в школах и используются в СМИ, поэтому автономия по праву считается одним из редких положительных примеров работы с языками малых народов, например, туркменским и сирийским.

Однако разобщенность иракских курдов ярко демонстрирует один пример: в 2006 г., практически сразу после принятия конституции, закрепившей широкую автономию иракского Курдистана, в 2005 г., одна из народностей Ирака, носители древнейшего диалекта курдского языка – горани, направили обращение правительству КАР, чтобы их диалект был признан самостоятельным языком [7]. Обращение было отклонено. Многие исследователи, в частности Минорский и МакКензи, придерживались мнения, что горани, как и зазаки, в действительности – не диалекты курдского языка, а его носители – не курды. Носителей этого диалекта в Ираке всего около 50 тысяч, он не стандартизирован, не преподается в школах, используется только в повседневном общении, но именно на нем были написаны первые курдские литературные памятники, датированные XIV в.

Ситуация с курдским языком в Сирии тоже всегда была политически обусловлена, и за последние сто лет в его истории прослеживается четыре этапа, в каждом из которых были свои препятствия для признания и развития курдского языка.

Первый этап относится к периоду французского мандата в Сирии (1920–1946 гг.), когда сирийцы и особенно курды надеялись на значительные перемены в политической системе страны. В петиции, направленной в учредительное собрание Сирии 23 июня 1928 г., были требования разрешить использо-

вать курдский язык на курдских территориях наравне с официальными языками и преподавать его. Эти требования стали причиной замены местных чиновников, что курды расценили как шаг на пути к признанию курдского языка.

Французы не были заинтересованы в самоуправлении на курдских территориях. Одной из причин было негативное отношение турецких и иракских властей к возможности возникновения «курдской автономной территории» у их границ. Однако использование курдского языка на курдских землях никак не ограничивалось, хотя и не признавалось официально.

Таким образом, первый этап можно охарактеризовать как период терпимости к курдскому языку. Его свободно использовали для общения, могли использовать и для печати, несмотря на отказ французских властей разрешить открывать курдские школы и получать образование на родном языке.

Второй период характеризуется окончанием власти французов (1946 г.) и союзом Сирии и Египта, а затем и их слиянием в 1958 г. в одно государство – Объединенную Арабскую Республику. В течение этого периода ситуация вокруг курдского языка постоянно менялась: публикации на курдском языке изредка появлялись, но давление власти на курдов увеличивалось. После распада сирийско-египетского союза в 1961 г., давление на курдов стало увеличиваться. Власти Сирии начали массовое переселение арабов в традиционно курдские районы, заменяли курдские географические названия на арабские. Создание «арабского пояса» на границе с Турцией и Ираком было необходимо для предотвращения консолидации этнического курдского меньшинства и создания на этой базе единого государства. Более того, в переписи населения в ноябре 1962 г. на курдских территориях, в особенности в кантоне Джизре, около 130 тыс. курдов были лишены гражданства: это были те, кто не смог предъявить налоговые квитанции, чтобы подтвердить давность проживания в Сирии. Вместо паспортов они получили только вид на жительство.

Третий этап начался с приходом к власти левого крыла партии Баас в шестидесятых и закончился в 2011 г. восста-

нием против баасистского режима. Для курдской национальной идентичности это был самый тяжелый период, так как сирийское правительство начало строительство так называемого «Арабского пояса» и арабизацию курдских территорий. Во время правления этой партии курдский язык и образование на нем в Сирии было запрещено.

Яркой иллюстрацией этого периода можно назвать массовые курдские демонстрации в марте 2004 г. в провинции Хасеке на северо-востоке страны. Протестующие требовали от сирийского режима предоставления им культурных и политических прав. Силы безопасности жестоко подавили акции протеста, тогда в столкновениях погибло по разным данным от 25 до 40 человек. Тогда Башар Асад был вынужден признать, что курдская община – важная часть Сирии, и пообещал решить вопрос о предоставлении гражданства десяткам тысяч курдских семей.

Четвертый этап можно назвать периодом расцвета курдского языка в Сирии. Когда курды выдворили представителей партии Баас со своих территорий, курдский язык стал официальным языком этих районов. В 2011 г. курды выступили на стороне вооруженной оппозиции, тогда в Сирии проживало немногим менее двух миллионов курдов, что составляло 10% от всего населения страны. 7 апреля 2011 г. Асад, с целью снизить градус напряженности в стране, издал указ о предоставлении гражданских прав курдскому населению. Однако курды продолжили обвинять власть в культурной и политической дискриминации и участвовать в антиправительственных демонстрациях.

В январе 2014 г. сирийские курды объявили о создании на севере Сирии самопровозглашенной автономии, которая не имеет территориальной целостности: кантоны Джазира, Кобани и Африн значительно разнесены друг от друга. Согласно общественному договору об их автономии, официальными языками кантона Джазира стали курдский, арабский и сирийский, и каждая община имеет право обучать и обучаться родному языку, а также «любой человек имеет право реализовывать свои этнические, культурные, лингвистические и гендерные права» [2].

Результатом этой политики стала развитая система языкового образования в районах под курдским самоуправлением. Таким образом школы стали предлагать обучение курдскому языку на начальном, среднем и продвинутом уровнях. Сложившаяся ситуация стала благоприятной для издания книг в самых разных областях знаний на курдском языке, и, следовательно, для преподавания различных предметов на курдском языке.

Две организации: Движение языка и образования и Институт курдского языка ежегодно проводят конференции, главная цель которых развивать и популяризовать язык, определить и рассмотреть основные образовательные программы этих организаций. Кроме того, в крупных городах с многочисленным курдским населением также создаются институты курдского языка.

Во всех четырех странах компактного проживания курдов за последние сто лет наблюдались и периоды жестоких гонений и притеснений в отношении курдов и их языка, и периоды послаблений. В настоящее время наиболее развитой и масштабной представляется языковая политика курдских кантонов в Сирии и Курдского автономного района в Ираке, однако будущая форма общего курдского языка пока остается неопределенной, а перспективы объединения – туманными.

Литература

1. Амин Р.М. Современное положение курдского языка//Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 87.
2. Гулиева Э. История сирийских курдов. Досье//ТАСС, 2016. URL: https://tass.ru/info/2685549?fbclid=IwAR16NQbImNlGJFnUN_ROCCnTYguHbeT_kB4mpQ9aExz0QBIUTixVLFJjurxk (дата обращения: 29.01.2020).
3. Конституция Исламской Республики Иран от 15 ноября 1979 г. //Ст. 15. URL: http://www.cis-emo.net/sites/files/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 12.10.2019).
4. Конституция Турецкой Республики от 7 ноября 1982 г. // Конституции государств (стран) мира. Библиотека конституций Пашкова Романа. Ст. 42 URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=84> (дата обращения: 28.01.2020).

5. *Мозаки Н.З.* Стандартизация курдского языка и проблема курдской государственности//Институт Ближнего Востока, 2008. URL: <https://iimes.ru/?p=7140> (дата обращения: 08.12.2018).
6. *Сапронова М.А.* Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака): моногр. М.: ИБВ, 2006. С. 25.
7. *Шейхолислами Я.* Языковая политика и планирование: идентичность и права в Иракском Курдистане//Языки меньшинств в современном глобальном обществе. 2012. № 2. С. 107.